

Наверное, многие литераторы достигают метафизического блаженства в тот момент, когда их поэзия изливается из рукописей в поток поэтической просодии и, растворяясь в ней, меняет — хоть на атом — химический состав повседневной речи. Но стремления к этому совсем не видно в абсурдистских стихах Геннадия Лукомникова — они закрыты для языка. Эта поэзия не дарит, а забирает — это жест присвоения, ограждающий авторскую индивидуальность от хаоса речи.

Такие радостные и беззаботные на первый взгляд, его тексты полны проговорок о неприязни к внешнему миру: «Всё материя и бред», «Но космос негостеприимен, как Китай», «Впереди миллиарды лет / Безмянных мур». Подразумеваемая трагичность советского быта исключена из его текстов так тщательно, что это выглядит как минус-приём — старательно выписанные картины радужного и яркого мира подспудно показывают страх поэта перед окружающим.

В хаотичном макром мире единственной стратегией выживания становится каталогизация, очерчивание хоть небольшого кусочка подконтрольного пространства. Творческий акт для Лукомникова — это акт отсечения лишнего, фокусировки расплывающейся словесности через поэтическую призму. В одном из текстов Пегас затаскивает поэта из открытого пространства в «стихов пивную», в другом — лирический герой просит дать ему «кельи скромный уголок». На странице Германа Лукомникова на Facebook, где выложено много фотографий отца, сохранилась одна, на которой поэт ладонями изображает объектив, закрывая себе часть обзора¹, и другая, где он помещает в «объектив» из рук

¹ URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1313006958747610&set=a.1312995235415449&type=3&theater>

почти всю голову². Ставя себя в ряд исторических личностей, он находит своё призвание именно в упорядочивании:

*Толстой написал страницу,
Островский закончил пьесу,
Колумб обнаружил Америку,
Кеплер нашёл звезду,
А я обошёл границу,
Дал новый толчок прогрессу,
Спокойствием сделал истерику
И счастьем — ездю.*

Стремление выстроить единственно значимый — поэтический — мир по личным законам, резко отличающимся от действующих в окружающей реальности, позволяет автору сказать: «я — комплексная Вселенная». Его образы выстроены в систему, Вселенная действительно комплексна, но её правила отличаются от предписаний здравого смысла.

Первая аксиома этого мира — гениальность автора. Сам факт создания стихов как бы приобщает пишущего к традиции, поэт провозглашает своё место в культурном пантеоне, панибратски обращаясь к Гомерам, Леонардо и Галилею. Рассуждая о своём таланте, он походя упоминает «муки лукомниковедов» (видимо, автор этого очерка — один из первых). Его возвеличивание не ограничивается задорной апроприацией литературных иерархий, он стремится подчинить себе и формальные внутритропические каноны. Например, сразу несколько его текстов называются «Сонет», но каждый из них состоит из четырёх катренов перекрёстной рифмовки с двумя самостоятельными созвучиями в каждой строфе. Никакого отношения к канонической форме это не имеет, но назначающим жестом Лукомников творит собственные поэтические законы.

Другой важный для него мотив связан с сексуальностью. Самые талантливые строки автора посвящены именно эротике, которая сквозит во многих текстах, от невинного «Клянусь, я увидел в меню / балерин, / Одну заказал за сверкающий ка-

² URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1313005638747742&set=a.1312995235415449&type=3&theater>

мень, / Подали её в обложеньи перин» до «Земля, я б тебя сосва-
тал, / Чтоб всю ощупав понять, / За талию за экватор / Обнял бы
и стал!»

Эти стихи ещё выше поднимают статус Лукомникова в выду-
манном мире — он не только поэт божьей милостью, но и вопло-
щение чистой маскулинности. Никакого образа возлюбленной
художник не рисует, женщина для него — лишь объект чувства,
а не самостоятельный субъект. Из этого преувеличенного внима-
ния к себе, соединённого с незаинтересованностью в личности
другого, рождаются строки почти обэриутского звучания:

*А в небе реют самолёты,
И я разок укротил небо,
Я ей бормочу анекдоты,
Она жуёт огурчик с хлебом.*

Метапоэтические мотивы постоянно переплетаются с эроти-
ческими, логично дополняя друг друга в этой лукомниковоцен-
тричной модели мира. Свой *exegi monumentum* он снабжает не бе-
зымянным «народом», а вполне конкретной поклонницей: «Вижу
я свой памятник стальной / И под ним любви моей подругу».

В пределах одной планеты такому таланту не уместиться —
и ещё одним важным мотивом Лукомникова становится космос.
Размышлениями и мечтаниями о внеземном полнится чуть ли
не половина текстов поэта, он постоянно стремится вовне. В ше-
стидесятые такой взгляд формируется под влиянием многих фак-
торов, из которых главные, конечно, — это полёт Гагарина и бум
научной фантастики. Источников литератор и не скрывает: кос-
монавт назван первым среди действующих лиц незаконченной
оперы «Длань Земли»³, а популярному жанру дань отдана в пре-
красно иллюстрированном самим автором крохотном романе
«Горящие глаза»⁴.

В лирике Лукомникова космос понимается двояко, и одни
и те же образы могут противоречиво звучать в разных контек-
стах. Например, в одном стихотворении Андромеда — это завет-

³ URL: <https://www.facebook.com/notes/668709113177401>

⁴ URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=701979763183669&set=a.701979703183675&type=3&theater>

ная утопия, где исправлены недочёты дольного мира: «Мчат другие корабли, / Лишь бы где-то мчать, / Поцелуи там — рубли, / Рук пожатье — мать», а в другом тексте та же Андромеда — символ безысходности бытия, ибо даже бегство в другую галактику не спасает поэта от опостылевшего родного города:

*Приехал я куда-то в Андромеду,
А дальше всё никак, ни тпру ни ну.
Количеству Баку предела нету.
Наверно, это сотое Баку.*

Объясняет это мерцание название текста: «Сотое Баку (В плену макромира)». Первая галактика вымышлена поэтом, это Андромеда его внутреннего творческого локуса, где правит грёза. Вторая же — реальная Андромеда паршивого бытия, безысходность которого для автора очевидна. В устойчивом противопоставлении для выражения разных полюсов могут использоваться одни и те же образы, бесконечным описаниям восторга внутреннего мира противостоит онтологическая серость мира внешнего:

*«Пойдёшь налево — умрёшь от блева,
Пойдёшь прямо — попадёшь в яму,
Пойдёшь направо — умрёшь от отравы»*

Напротив внешнего мира — бескрайнего и враждебного, стоит внутренний, управляемый космос Лукомникова, в каком-то смысле ручной. Хотя поэт без устали гиперболизирует, упоминая то «звёздный базар», то «миллиардную галактику», эти понятия не несут в себе тайны неизведанного, наоборот — вполне уютны и занимают своё строго очерченное пространство в его поэзии.

*Здесь только явства и бедлам,
Туманность ля Лукомников,
Средь ритмов, рифм и прочих лам —
Любовницы полковников.*

Строки «Новые вселенные рубя топором, / Мчим сквозь века и расстояния» из стихотворения «Марш гротесков» иску-

шают связать лукомниковское мировидение с учением Николая Фёдорова, однако вряд ли он был знаком с трудами основателя космизма. Вообще, поиск влияний в этой поэзии — дело затруднительное. Живя в Баку, он вроде бы не имел доступа к самиздату и редким дореволюционным изданиям, а помещённый в автобиографической повести «Не первый блин» список любимых книг показывает, что он внимательно прочитал всё достойное внимания в библиотеке им. Виссариона Григорьевича Белинского, но его эрудиция осталась в рамках разрешённой литературы.

Пожалуй, самым близким источником его космического пафоса является незаконченная поэма Маяковского «Пятый интернационал». О поэтической ориентации Лукомникова на лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи говорят и сын поэта Герман⁵, и Данила Давыдов⁶. Но это влияние давит на Лукомникова, он не вступает с классиком в диалог, а лишь подражает его лирике (единственный удачный «маяковский» образ — «Мясо лиризма жру, потея»).

Две цитаты вскрывают различие поэтов: «Флейта-саксофон» вместо «Флейты-позвоночника» и умозрительный стотомник Лукомникова «Оказия» вместо вполне существовавших ста томов «партийных книжек» Маяковского — вот расстояние между ними. Если образ футуриста трагичен или монументален, то у примитивиста он стремится к внешнему изяществу, почти пародийной нессоветскости. Куда более мощным вдохновителем Лукомникова мог бы стать Северянин, прекрасно знавший, как довести пошлость до уровня художественного жеста. Эгофутуристические интонации у Лукомникова звучат оригинально и остроумно, но непоследовательно и не всегда уместно, из чего и приходится делать вывод, что гений Игорь не был прочитан гением Геннадием.

Через рисунки поэта (их сохранилось достаточно много, самые интересные оцифрованы его сыном и также выложены на Facebook), в частности «Красную серию»⁷, становится очевидным ещё один источник маяковских влияний на Лукомникова — младший поэт

⁵ Лукомников Герман. «Для меня в папином творчестве важно ощущение, что всё можно найти в себе самом...» // Textura. 20.10.2018. URL: <http://textura.club/german-lukomnikov-intervyu/>

⁶ См. настоящее издание.

⁷ URL: https://www.facebook.com/lukomnikov/media_set?set=a.667474969967482&type=3

внимательно рассматривал «Окна РОСТА», опубликованные в собрании сочинений старшего. Кажется, что социалистический лубок, его яркость цвета и скорость воздействия опосредованно влияли на примитивизм Лукомникова. По сути, «Окна РОСТА» формируют из десятков и сотен текстов свою микровселенную, где реальность мешается со слухами, причудливые противники лишены любого человекоподобия, а силы главного героя-пролетария гиперболизированы. Весь плакатный мир работает по несуществующим в реальности абсурдным законам — и Лукомников переосмысляет этот приём, делая его стержнем собственной поэтики.

Конечно, на этом поле он пересекается со столичным андеграундом, и лукомниковские совпадения с лианозовцами-соцартистами-концептуалистами не могут не удивлять. Самый цельный текст поэта, басня «Океан и лужа», напоминает «Жертву транспорта» Евгения Кропивницкого. «Размышления об одной проблеме» и «Объяснительные» сопоставимы с «Банальными рассуждениями...» и «Обращениями к гражданам» Пригова. Выпиленный лобзиком орнамент «СЛАВА КПСС»⁸ и вовсе выглядит подражанием Эрику Булатову, при этом весьма остроумным — если концептуалист, донося идею о переизбытке лозунгов, остаётся в рамках станковой живописи, примитивист создаёт артефакт, своего рода объектив, через который идеологема проецируется не только на запечатлённые художником пейзажи, но и в принципе на любое пространство.

Наряду с определением Данилы Давыдова «дикий андеграунд» я бы вспомнил термин Андрея Хлобыстина «народный концептуализм» — незнание широкого круга контекстов вынуждает Лукомникова изобретать множество не едущих велосипедов. Но вместе с тем впечатляет его чувствительность к прочитанному, впитывание крупиц информации. Сын поэта рассказывает: «Он имел некоторое представление о Хлебникове, но опосредованно, через Маяковского, который часто того упоминал и цитировал, особенно в статьях»⁹. В другом месте он также говорит, что поэт «входил в какое-то особое состояние и шпарил без остановки — стихи, прозу, рисунки... У него очень уверенная

⁸ URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1435946829786955&set=a.1435898486458456&type=3&theater>

⁹ Лукомников Герман. Указ. соч.

линия на рисунках этого зрелого периода. Иногда он записывал так — строчку за строчкой — некую поэму в тетради, — и когда тетрадь заканчивалась, то и поэма заканчивалась»¹⁰, и это напрямую корреспондирует с известным некрологом Маяковского: «У Хлебникова нет поэм. Законченность его напечатанных вещей — фикция. Видимость законченности чаще всего дело рук его друзей. Мы выбирали из вороха бросаемых им черновики кажущиеся нам наиболее ценными и сдавали в печать. Нередко хвост одного наброска приклеивался к посторонней голове, вызывая весёлое недоумение Хлебникова».

В отличие от будетлянина, для Лукомникова денежная необеспеченность становится одним из критически проблемных мотивов. Целая серия его рисунков — это удивительные, всё возрастающие по номиналу, психоделические купюры¹¹. При этом рассказы сына полнятся упоминаниями о бытовой беспомощности отца, его неумении обращаться с деньгами — для него они были важны не как знаки вещей, а сами по себе, как индекс успешности, даже выплачиваемую по инвалидности пенсию он воспринимал как государственный гонорар за стихи. Поэт мечтал о славе футуристов, но при жизни так и не смог ничего напечатать. Посмертная его слава также невелика — считанные публикации (среди них жутковатым курьёзом видится появление «Марша гротесков» в национал-большевистской «Лимонке»), не до конца разобранный архив, отсутствие критики.

Увы, внешний мир так и не принял Геннадия Лукомникова. Чтобы не впасть в вульгарный психоанализ, вплоть до конца очерка не хотелось говорить о том, что поэт был болен шизофренией. В его стихах можно разглядеть нечто терапевтическое, они уж точно — не просто блажь талантливого внесоветского гражданина, а, быть может, попытка оградиться от мира врачей и больниц. Как помним, тюрьма — это недостаток пространства, а больница — та же тюрьма, но здесь избыток времени протекает в медикаментозно стимулированных условиях. Поток этого времени в итоге настиг поэта, и остаётся думать, что окно, в которое он вышел, было дверью во внутренний космос.

¹⁰ Там же.

¹¹ URL: https://www.facebook.com/lukomnikov/media_set?set=a.669031673145145&type=3